

О НОВЫХ ИНСТРУМЕНТАХ ОПИСАНИЯ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ: КОРПУС ОШИБОК

Е.В. РАХИЛИНА

erakhilina@hse.ru

д-р филол. наук,

руководитель

Школы лингвистики

факультета

гуманитарных наук

НИУ ВШЭ

Москва, Россия

Ключевые слова:

русский язык,

корпусная лингвистика,

обучающий корпус

В статье на материале зарегистрированных в Учебном корпусе русского языка текстов рассматривается интерференция в речи так называемых нестандартных носителей языка (изучающих РКИ, русский как второй родной или эритажный и т.д.). Показано, что такого рода эффекты могут служить полезным материалом для уточнения и углубления грамматического описания русского языка, а сам корпус – полезным инструментом такого описания.

Об инструментах совершенствования грамматического описания

Грамматика нового поколения нуждается не только в новом, актуальном языковом материале, представляющем живой язык молодых поколений говорящих – она нуждается и в средствах поиска и регистрации неизвестных языковых явлений.

Нужны такие современные инструменты, которые помогли бы авторам расширить круг ее задач и найти новые факты русского языка – а не просто переписать заново, пусть на других примерах и на новый лад, те лингвистические тексты, которые сочиняли о русском языке наши великие предшественники – от Адодурова и Ломоносова и до последнего издания Академической грамматики русского языка [17].

Такие инструменты стимулируют интенсивное развитие (в противовес экстенсивному развитию, а подчас и недопустимому упрощению или прямому некритичному копированию) грамматических описаний русского языка.

Время от времени они возникают – ввиду естественного развития технологий, в том числе и лингвистических.

Когда-то, на рубеже 1960-х гг., была индустрия машинного перевода: машины стали переводить – и переводили плохо. Именно экспериментальная лаборатория машинного перевода под научным руководством И.А. Мельчука столкнулась с недостаточностью традиционной словарной информации для описания лексики и ее семантико-синтаксических связей. Так родилась Московская семантическая школа [1, 11, 12] с ее особым подходом к языку, открывшая, в частности, механизм лексических функций и многие другие не замеченные прежде языковые явления¹.

Еще один существенный для лингвистики технологический прорыв случился на рубеже веков благодаря появлению корпусов. Корпус

¹ Любопытно, что знаменитое «Русское именное словоизменение» [7], напротив, само предугадало потребности информационного поиска, для которого впоследствии понадобилось описание русской морфологии, опирающееся на абсолютно точные данные о распределении всех основ и окончаний. К тому моменту эта информация уже была отражена в «Грамматическом словаре» [6]. Данные такой степени точности, конечно, были в то время совершенно новыми для русской грамматики, но они возникли не из анализа ошибок программы-анализатора, а из чисто научной, математической идеи полноты описания русского словоизменения. Собственно, из той же идеи, из которой родился и сам информационный поиск. Конечно, опыт научного предвидения такой силы вряд ли может быть повторен.

ранжирует грамматические факты по частотности – и тем самым порождает новую информацию о распределении стратегий поведения языковых единиц, о вариативности в ситуации языковой нормы. Таким образом, корпус, как и машинный перевод, открыл специалистам новые области исследования и потребовал создания новых глав грамматики: во всем мире современные грамматики создаются только на материале корпусных исследований и содержат специальные разделы корпусной аналитики. Это тоже новые данные о языке.

Косвенным образом своего рода «лингвистическим инструментом» развития русской грамматики послужил типологический взрыв 1970–80-х гг. Именно благодаря достижениям типологии были доказаны релевантность для русской грамматики антирезультативных конструкций с *было/бывало* [18] и классифицирующая перфективация [21], подтвердившая давнюю гипотезу Вея – Схонефельда, т.е. «поглощение значения приставки близким или идентичным значением глагольной основы, в результате которого собственное значение приставки кажется ослабленным или отсутствующим, а аспектуальное воздействие приставки (т.е. перфективация) сохраняется» [13: 109].

В этой работе мы хотели бы поговорить еще об одном мощнейшем инструменте, который пока признан недостаточно, но только потому, что в нашей стране недостаточно развиты технологии, которые его поддерживают: надо признать, что здесь мы отстаем от мирового сообщества.

Речь идет об учебных корпусах русского языка. Центром разработки этих инструментов для русского языка сейчас является Школа лингвистики Высшей школы экономики в сотрудничестве с Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Учебные корпуса

Учебные корпуса представляют собой коллекции текстов нестандартных носителей русского (термин А. Мустайоки [20]): студентов, изучающих РКИ, носителей регионального русского, носителей так называемого эритажного, или унаследованного русского (*heritage Russian*), на котором говорят дети эмигрантов, выросшие в иноязычной среде и унаследовавшие навыки родного языка от родителей, студентов, владеющих академическим письмом, носителей аустов и др.

В этих корпусах массово представлены и систематизированы частотные и индивидуальные отклонения от принятой грамматической нормы, которые в канонической ситуации предъявления данного текста «учителю» будут сочтены ошибками и заменены на более канонический вариант.

Именно в этом смысле эти корпуса на профессиональном жаргоне называются еще и «корпусами ошибок», а правила, которые они позволяют выявлять для данного языка, – «грамматикой ошибок».

В принципе, новейшая грамматика должна была бы наряду с грамматической нормой для каждой грамматической зоны описывать еще и не-норму, т.е. наиболее характерные, частотные, стандартные для нее отклонения-«ошибки»: такая информация была бы новой для грамматики и бесспорно полезной при решении педагогических задач.

Сама по себе идея «грамматики ошибок» не так уж нова: полноправным объектом исследования ошибки предположил считать в своей знаменитой книге еще Анри Фрей в 1929 г. [19]. В отношении русского языка большая работа в этом направлении ведется Отделом современного русского языка ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, сотрудники которого уже давно изучают особенности языка русского зарубежья и разговорной нормы в этом отношении – т.е., собственно, отклонения от стандарта – или «ошибки» в этих вариантах русского [5]. Серьезный всплеск интереса к разговорной речи произошел сравнительно недавно ([16] и др.) Параллельно ведутся работы над изучением детской речи (см. прежде всего работы группы С.Н. Цейтлин, а также М.Д. Воейковой [2] и др.) и языковым поведением иностранцев, изучающих русский.

Несмотря на очевидный количественный рост и бесспорную значимость работ такого рода, они все еще остаются фрагментарными.

В то же время системное исследование «ошибок» чрезвычайно важно с теоретической точки зрения: они маркируют случаи отклонения от нормы и тем самым дают представление о действующих языковых правилах [14: 87–95].

При этом правила, которые они иллюстрируют, далеко не всегда известны или описаны в существующих грамматиках и словарях в достаточной мере: эти правила обнаруживаются исследователем именно благодаря сопоставлению с очевидными отклонениями, представленными в «ошибочных» примерах. Таким образом, в лингвистических исследованиях такого рода нестандартный языковой материал можно рассматривать как инструмент для поиска новых грамматических правил, неизвестных явлений и фактов русского языка: своего рода «правило-искатель».

Поскольку современная постановка проблемы требует, чтобы изучение языковых явлений опиралось на структурированные массивы данных (которые, в частности, могут стать базой необходимой статистики), в мире создаются корпуса соответствующих текстов. В них

«правило-искателями» служат не только отдельные ошибки, но и поисковые запросы.

Разные учебные корпуса и разные типы учебных текстов служат для обнаружения правил разного рода. Так, корпус студенческих сочинений КРУТ отражает прежде всего синтаксические правила и синхронные сдвиги в них (например, ослабление требований к кореферентности участников предложения и деепричастного оборота и проч.). Корпус текстов аутистов отражает правила дискурсивной организации текста и т.д.

В этой работе речь пойдет о правилах, которые позволяют обнаружить и описать корпусный ресурс, содержащий тексты студентов-иностранцев, изучающих русский язык, и тексты эритажных носителей (www.web-corpora.net/RLC). Сейчас в нем около 1 млн. словоупотреблений, причем представлены письменные работы носителей с различными доминантными языками. Прежде всего это американский английский, но также немецкий, французский, итальянский, сербский и некоторые другие с перспективой существенного расширения их разнообразия в ближайшее время².

Понятно, что этот корпус отражает прежде всего эффекты **интерференции** языков: доминантного и изучаемого (или, для эритажных носителей, родного). В принципе, интерференция «видна» и в параллельном корпусе, который для русского языка создается в рамках проекта Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Это верно в целом, но только до определенной степени. Дело в том, что интерференция в параллельном корпусе требует от исследователя определенных, так сказать, пререквизитов: ему нужно заранее знать, какие явления и где в этом корпусе имеет смысл искать для данных двух языков как результат их взаимодействия. Для специалистов (скажем, переводчиков) эта проблема решается легко: они, например, заранее знают трудности выбора соответствий для русских дискурсивных слов. Однако для обычного

пользователя эффекты интерференции оказываются скрыты уже потому, что в параллельном корпусе выравнивание текстов происходит не по словам и грамматическим показателям, прямое сравнение которых могло бы обнаружить интерференцию, а по целым предложениям.

В учебном корпусе нашего типа «ошибки» (т.е. видимые глазу отклонения от нашей языковой нормы) сами указывают нам на конфликт правил взаимодействующих языков – их остается только грамотно реконструировать. Ниже мы приведем несколько примеров, требующих таких «реконструкций»: коснемся русской сравнительной конструкции, особенностей семантико-синтаксического поведения квазиграмматической лексики – протранзитивных предлогов – и такого общеизвестного синтаксического явления, как однородность сказуемых.

Сравнительная конструкция

Традиционно считается, что для русского языка проблематика компаративной конструкции, которую мы выбрали здесь примером, не входит ни в какое сравнение по степени сложности ни с наклонением, ни с аспектом. Собственно, русская сравнительная конструкция давно и профессионально описана, см. [3, 8, 9, 17] и др. Тем не менее, как показывает наше исследование [15], есть вопросы, на которые ответов нет, просто потому, что они не сформулированы и не до конца осознаны как лингвистические задачи.

Если говорить о русском учебном корпусе, то он особенно ярко высвечивает две проблемы, «недоописанные» русской грамматикой: семантика и распределение дополнительных интенсификаторов (*все, гораздо, еще* и др.) и роль удвоения в сравнительной конструкции (*хуже и хуже*, ср.: *погода стала хуже ?? погода стала хуже и хуже*).

Даже эритажные носители чувствуют себя неуверенно при построении русской сравнительной степени: по материалам курсового проекта студентки второго курса Школы лингвистики НИУ ВШЭ Дарьи Кошелевой [10], в соответствующем подкорпусе на 340 тыс. словоупотреблений встретилось 104 «ошибки» на сравнительные конструкции, причем все это не прямые кальки.

Ср. следующий пример из корпуса с помеченной звездочкой ошибкой и правильной конструкцией в скобках.

1) *Война на Дальнем Востоке – это не только различие политических взглядов России и Японии, не поделивших территорию на Востоке, это что-то *намного больше (гораздо худшее / много большее / много более сложное).*

Еще одно явление, которое, как показала Д. Кошелева, обнаруживают корпусные «ошибки» в этой зоне, лежит на стыке лексики и грамматики и тоже не попадает ни в какие описания.

² Корпус создавался как часть Национального корпуса русского языка в рамках сотрудничества с National Heritage Language Resource Center (UCLA) и Language Science Lab Гарвардского университета (под руководством М.С. Полинской) и исследовательской группы Направления фундаментальной и прикладной лингвистики филологического факультета НИУ ВШЭ под руководством Е.В. Рахилиной. Главные конструкторы корпуса – Тимофей Архангельский и Э. Мустакимова. В состав корпуса входят, в частности, тексты Учебного корпуса академической речи (Russian Learner Corpus of Academic Corpus), разработанного О.В. Киселевой и А.А. Алсуфиевой, а также тексты, собранные И.Е. Дубининой и Е.С. Денгубом, и тексты, предоставленные Центром РКИ НИУ ВШЭ, тексты из коллекции А. Ладыгиной, тексты Болонского университета и др.

Это неправильный, с точки зрения канонической грамматики, лексический выбор наречия в корпусных примерах, т.е. выбор между *лучше*, *больше*, *сильнее* и др. Он обусловлен тем, что с семантической точки зрения все эти наречия, в сущности, оказываются квазисинонимическими лексическими функциями (в терминологии Московской семантической школы) с общим значением интенсификации или аттенуатива, ср. следующие пары примеров с близким значением (см. пример 2):

2а) *Человек там больше зависит от другого человека, чем от Бога, человек там закрывает собой Бога, и о Нем забывают.* (Владимир Шапов. Воскрешение Лазаря (1997–2002).

2б) *Он беззащитнее других, он сильнее зависит от окружающих, его внутренний мир более раним.* (http://bigbilet.ru/place/lateatr/afisha/svobodnaya_lubov?ev=03B76C80E0740C2FE0504B5E01F54B73, интернет-форум, обсуждение спектакля «Свободная любовь» от 3 января 2014).

В такой ситуации неуверенными говорящими, к которым относятся эритажные носители, выбирается композициональная стратегия, см. подробнее [4: 3–19]: как правило, они используют лексему с самой общей семантикой и самой свободной сочетаемостью – это наречие *больше* (*меньше*). Между тем грамматически правильная замена контекстно связанного наречия на семантически генерализованные *больше* или *меньше* возможна далеко не всегда, и правила в этой зоне пока не прояснены. Ср. следующий пример из нашего корпуса (в скобках в восклицательным знаком дан вариант, который считается каноническим):

3) *В России человек *больше (! чаще) считается расистом из-за действий.*

Дело осложняется тем, что в контексте положительной и сравнительной степени могут выбираться разные наречия. Это очевидно для генерализованного *больше*, у которого просто нет коррелята положительной степени, но асимметрия этого рода проявляется и в других случаях, ср. в примере 2: *!сильнее зависит – ??сильно зависит*. В настоящее время, по нашим данным, эта асимметрия может нивелироваться в прогрессивной норме.

Пространственные маркеры

Мы ожидаем, что пространственные маркеры (предлоги и наречия) в пространственном значении и в нефразеологизованных сочетаниях будут вести себя композиционально с обычными существительными, т.е. передавать тот смысл, который в них заложен: *перед* будет означать ‘перед объектом’, *сзади* – ‘сзади объекта’, *на* – ??соприкосновение с поверхностью?? и т.п. Имплицитно

это означает полное семантическое тождество таких «полноправных» пространственных употреблений и отсутствие ошибок со стороны иностранцев. Мы не берем в расчет всем известные исключения типа *в Крыму* (в отличие от *на Камчатке*) или *на улице* (в отличие от *в переулке*), которые, как правило, как раз приводятся в грамматиках, хотя и плохо запоминаются носителями как любые исключения. Оказывается, что и других, неожиданных для нас эффектов так называемого отрицательного трансфера (т.е. недопустимых в русском языке калек) среди собственно пространственных употреблений встречается довольно много.

Рассмотрим 4-е предложение, которое породил нестандартный носитель с доминантным английским:

4) ?? *Я заметила молодого мужчину который сидел сзади в углу и смотрел вниз на свои пыльные туфли.*

С денотативной точки зрения, описывающей пространство и расположение в нем объектов, оно безупречно, если признать, что русское *вниз* означает движение (взгляда) из более верхней точки в нижнюю и полностью соответствует своему английскому корреляту *He looked down at his shoes*.

По-русски, однако, в отличие от английского, правильно было бы опустить пространственный маркер: *Он смотрел на свои туфли*.

Причина в семантическом противопоставлении между русским *вниз* и английским *down*, которое этот пример и помогает обнаружить. *Down* означает любое движение сверху вниз, тогда как *вниз* – только движение (в том числе, как и в английском, взгляда) с необычной, приподнятой над поверхностью земли точки: балкона, стремянки, обрыва, крыши, верхней полки в поезде, антресолей и проч. Таким образом, русское (4) было бы грамматически правильно, если бы имелось в виду, что его субъект, скажем, снял туфли, залез на шкаф и оттуда на них посмотрел.

Для английского это возможно, но не обязательно: туфли можно не снимать.

Очень любопытна интерференция, которая возникает у носителей французского при употреблении русского предлога *перед*, см. пример 5.

5) *В начале мультфильма Дядя Федор спускается по лестнице. По пути он встречает кошку, лежащего перед окном.*

Как и французское *devant*, русское *перед* чувствительно к фасадности предмета, однако окно производит впечатление объекта, который может служить ориентиром и для объекта, расположенного рядом с ним на улице, и для объекта, расположенного внутри помещения. Между тем статистика употреблений в НКРЯ говорит о том, что в русском определенным преимуществом

пользуются наружные, «уличные» контексты: дело в том, что для описания локализации в помещении рядом с окном в русском есть широко распространенная конструкция *у окна*, в 20 раз более частотная, чем с *перед*. Благодаря этой асимметрии русские примеры (см. 6) фактически лишены многозначности и описывают пространство снаружи дома.

6) *Я как-то провел неделю зимой в Банффе (недалеко от Калгари), у меня прямо перед окном лежал олень с огромными рогами.* forum.pravmir.ru/showthread.php?t=60075

Перед окном в помещении может стоять мебель – в большинстве случаев стол (и все, что на столе) – как в 7-м примере из НКРЯ – или стоять и сидеть человек.

7) *Военный раскладывал на столике перед окном брошюры и папиросы.* (В.П. Катаев. *Время, вперед!* (1931–1932))

А как же цветы или коты на подоконнике? По-русски они описываются исключительно сочетанием *НА окне* и никогда не *перед окном*, как думал автор 5-го примера – хотя, строго говоря, подходят под определение предметов ввиду окна как пространственного ориентира (а не прислоненных к стеклу, как можно было бы подумать). Этому определению следует французский, для русского его, как показывает интерференция в 5-м примере, необходимо уточнить.

Однородные сказуемые

Ряд однородных сказуемых обычно заканчивается последним с союзом *и* – это всем хорошо известно. Их последовательность часто подчеркивается повторяющимся *и* – об этом тоже написано в грамматиках. Иногда (видимо, для того, чтобы разнообразить дискурс) однородные события соединяются наречиями *потом* или *затем*, своего рода заместителями сочинительных союзов со значением, подчеркивающим последовательность. Их распределение нигде не освещается: оно считается свободным, не зависящим от семантики однородного ряда (см. пример 8):

8) *Процедура требует особой сноровки: горлышко и «верхушку» бутылки замораживают, затем/потом/и удаляют временную пробку с осадком и укупуривают бутылки новой <...> (100% здоровья, 2002.12.11)*

Между тем в учебном корпусе нам встретились случаи, когда опущение нестандартным говорящим этих наречий приводит к грамматической неправомерности предложения. Это подтверждают и примеры из НКРЯ, см. примеры 8–11. Примеры 8а,б–11а,б демонстрируют неправомерность опущения наречия и замены его на союз:

8) *Он медлит, затем садится на стул.* (А.А. Образцов. *Пятеро* (1979))

8а) **Он медлит, садится на стул.*

8б) **Он медлит и садится на стул.*

9) *Голос ее затух, затем всплеснулся, когда она увидела Керн, и дамы приветствовали друг дружку восторженными междометиями.* (Ю.М. Нагибин. *У Крестовского перевоза* (1972–1979))

9а) **Голос ее затух, всплеснулся, когда она увидела Керн.*

9б) **Голос ее затух и всплеснулся, когда она увидела Керн.*

10) *Секунды две-три он слушал, затем отключил телефон.* (Анатолий Мельник. *Авторитет* (2000))

10а) **Секунды две-три он слушал, отключил телефон.*

10б) *??Секунды две-три он слушал и отключил телефон.*

11) *Марьясов помолчал, глядя на майора в штатском, улыбнулся, затем улыбнулся еще шире, показав сбоку два старых золотых зуба.* (Роман Солнцев. *Полураспад. Из жизни А.А. Левушкина-Александрова*, а также анекдоты о нем (2000–2002) // Октябрь, 2002)

11а) **Марьясов помолчал, глядя на майора в штатском, улыбнулся, улыбнулся еще шире, показав сбоку два старых золотых зуба.*

11б) **Марьясов помолчал, глядя на майора в штатском, улыбнулся и улыбнулся еще шире, показав сбоку два старых золотых зуба.*

Примеры показывают, что *затем* (и *потом*), в отличие от нулевого или союзного показателя однородной последовательности событий, указывают на смену стратегии развития ситуации вплоть до противоположной, как в предложениях 8–10.

Напротив, как видно на примерах НКРЯ, в стандартных случаях бессоюзного или союзного маркирования цепь событий либо действительно семантически однородна, как во фрагментах примеров НКРЯ 12–14, либо выражает поступательное развитие, как в классическом *пришел, увидел, победил*. *Затем/потом* в этих случаях далеко не всегда семантически уместен, ср.: **пришел, затем увидел / затем победил...*, см. также предложения 12а–14а:

12) *они нервничают, расстраиваются, плачут <...>*

12а) **нервничают, расстраиваются, затем плачут;*

13) *В комнате с окном на брандмауэр Башуцкий М.А. ел, пил, спал, работал.*

13а) *В комнате с окном на брандмауэр Башуцкий М.А. ел, пил, спал, работал.*

14) *доллар падает, падает, падает...*

14а) *падает, падает, падает...*

Рассмотренные примеры отчетливо свидетельствуют о значимости семантических и, скорее всего, аспектуальных классов в однородных

последовательностях для выбора способа ее поверхностного оформления. Эта задача не так очевидна, но она легко обнаруживается при анализе естественного отрицательного языкового материала, который предоставляет учебный корпус. Теперь остается только ее решить.

Заключение

В этой работе мы хотели бы сделать акцент на методологическом аспекте работы над новой грамматикой. Для того чтобы она стала новой, нужны новые факты и новые подходы к их

описанию. Растущие возможности современного лингвистического инструментария дают к ним доступ: благодаря им мы можем осознать и поставить эти новые задачи, существенно уточнив и расширив традиционное описание русского языка. Мы привели несколько небольших примеров того, как в этом может помочь один из учебных корпусов русского языка.

Отдельное внимание следует уделить тому, как установить критерии глубины и качества самого описания, в том числе и для тех небольших конкретных задач, которые были затронуты. ■

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 году.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.
2. Воейкова М.Д. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М., 2011.
3. Воронников Ю.Л. Степени качества в современном русском языке. М., 1999.
4. Выренкова А.С., Полинская М.С., Рахилина Е.В. Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык // Вопросы языкознания. 2014. № 3.
5. Гловинская М.Я. и др. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / М.Я. Гловинская, Е.И. Галанова, О.П. Ермакова, А.В. Занадворова, Е.А. Земская, Е.В. Какорина, Л.Л. Касаткин, Р.Ф. Касаткина, Л.П. Крысин, С.М. Кузьмина, Р.И. Розина. М., 2008.
6. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. Русский язык. М., 1977.
7. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
8. Князев Ю.П. Грамматическая семантика. Языки славянских культур. М., 2007.
9. Князев Ю.П. Сравнительная степень. Для проекта «РусГрам». М., 2011.
10. Кошелева Д.С. Степени сравнения в Русском учебном корпусе. Курсовая работа второго курса. М., 2013.
11. Мельчук И.А. Об одной лингвистической модели типа «Смысл \Leftrightarrow Текст». М., 1974.
12. Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984.
13. Плуноян В.А. Приставка *под-* в русском языке: к описанию семантической сети // Московский лингвистический журнал / Глагольные префиксы и префиксальные глаголы. 2001. Т. 5. № 1.
14. Рахилина Е.В. Грамматика ошибок. В поисках констант // Язык, константы, переменные. Памяти А.Е. Кибрика. СПб., 2014.
15. Рахилина Е.В. Степени сравнения в свете русской грамматики ошибок // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова: Национальный корпус русского языка: 10 лет проекту / Гл. ред. А.М. Молдован. М., 2015. Вып. 6.
16. Русакова М.В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М., 2013.
17. Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980. Т. 1–2.
18. Сичинава Д.В. Славянский плюсквамперфект. М., 2013.
19. Фрей А. Грамматика ошибок. М., 2006.
20. Mustajoki A., Protassova E., Vakhtin N. Instrumentarium of linguistics: sociolinguistic approach to non-standard Russian. Helsinki, 2010.
21. Janda L.A. et al. Why Russian aspectual prefixes aren't empty: prefixes as verb classifiers / L.A. Janda, A. Endresen, J. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nessel, S. Sokolova. Bloomington, 2003.

E.V. Rakhilina

RUSSIAN LEARNER CORPUS AS A NEW TOOL OF GRAMMATICAL DESCRIPTION OF RUSSIAN

Russian language, corpus linguistics, learner corpus.

The paper deals with the interference effects in the texts of students learning Russian as a foreign language. The texts are presented and tagged in the Russian learner corpus. We argue that interference may help grammarians to make their description more precise and complete and the corpus could serve a useful tool for it.